

Я юркнула в машину, и, мягко хлопнув дверью, откинулась на спинку сиденья. Уже через пару минут за окном замелькали ярко освещенные витрины магазинов, призывно вспыхивающие неонов вывески баров и ресторанов — ночной город жил своей жизнью. Некоторое время в салоне машины царила полная тишина, а потом Он заговорил, обращаясь ко мне.

Признаться, я ожидала услышать все, что угодно, но... Действительность преподнесла мне очередной сюрприз. Негромким (бархатным, властным, наполненным оттенками, строгим и ласковым одновременно!) голосом Господин сказал мне, что я совершенно вольна в своих поступках, что при желании в любой момент смогу покинуть то место, куда мы направляемся, и никто не станет уговаривать меня остаться.

Из Его объяснений складывалась совершенно ясная картина — я останусь сторонним наблюдателем, и буду им до тех пор, пока сама этого буду хотеть. Я буду «гостьей-невидимкой», и х вечер будет проведен так, как планировалось, и не будет никаких изменений из-за моего присутствия. А если... Если роли зрителя для меня покажется недостаточно, то мне просто надо будет сказать об этом. Вот и все правила.

Я попыталась привести в порядок собственные мысли и ощущения. В этом хаосе легко можно было найти легкую растерянность, толику смущения, жгучий интерес, пьянящее возбуждение, ни капли страха, только едва ощутимый озноб мандража. Буйное воображение уже рисовало картины того, что, возможно, произойдет в эту ночь...

Машина остановилась, девушка, сидевшая на переднем сиденье, открыла дверцу и выскользнула из салона. Мужчина обернулся ко мне, и в его взгляде я прочла вопрос. Когда для осуществления мечты достаточно сделать шаг, глупо разворачиваться и убежать от судьбы. Я улыбнулась Ему и кивнула.

— Я согласна.

Гулкий стук двери подъезда, короткий путь по ступенькам, звон ключей, щелчки отпираемого замка — все слилось в одно непрерывное движение. В небольшую чистенькую прихожую я вошла последней и, опершись о дверь, молча наблюдала за тем, что происходило.

Рабыня помогла Хозяину освободиться от верхней одежды и, опустившись на колени, разула своего Господина. Он щелкнул карабином, пристегивая к ошейнику рабыни поводок, и приказал девушке раздеться. Я, затаив дыхание, наблюдала за тем, как она, ни секунды не колеблясь, выполняла приказ Хозяина. В ее движениях не было торопливой суеты, только едва заметная скованность, было件нятно, что подобный «стриптиз» на глазах у практически постороннего человека ее очень смущает.

Скоро на девушке не осталось ничего, кроме черного кружевного бюстгальтера, трусиков, состоящих из треугольничка кружева, держащегося на тонюсеньких резиночках, чулок и туфелек. Я, не скрывая интереса, разглядывала почти полностью обнаженную рабыню. Одежда больше не скрывала плавных изгибов фигурки, а те вещи, что на ней остались, только усиливали производимый эффект, сними она с себя абсолютно все — впечатление было бы, скорее всего, совершенно другим.

Черное кружево белья замечательно выделялось на фоне ее кожи, летний загар еще не успел

сойти. Ямочку пупка украшала сережка с прозрачным камушком, который при каждом движении девушки бросал разноцветные блики на ее подтянутый животик. Господин протянул руку, провел пальцами между ножек рабыни и, усмехнувшись, сказал:

— Твои трусики насквозь промокли. Что на тебя так подействовало, шлюшка?

— Я очень возбудилась, когда рассказывала Алине о себе. Воспоминания всегда так на меня действуют. И... я несколько раз прикасалась к ней... это... тоже...

— Я видел. Она понравилась тебе, котёнок?

— Да, Хозяин, очень! И... самое главное... Вы мне такой подарок сделали! Спасибо за оргазм, Хозяин!

Девушка опустилась на колени и, обняв ладошками руку Господина, стала покрывать ее нежными поцелуями.

— Пойдем в ванную, освежишься немного.

Я, памятуя об отведенной мне роли молчаливого наблюдателя, посмотрела на Господина, стараясь поймать Его взгляд. В моих глазах застыл немой вопрос: «Можно? Можно и мне с вами?» Наш молчаливый диалог длился недолго, мужчина молча, едва заметно улыбнувшись, одним движением век, дал разрешение. Я моментально скинула с себя плащ и, стараясь потише цокать каблучками, прошла за ними к ванной комнате.

Господин быстро вымыл руки, позволил рабыне промокнуть их полотенцем и, бросив: «У тебя пять минут», вышел. Девушка, не мешкая ни секунды, стянула с себя трусики, убрала их в корзину для белья, и, отрегулировав температуру текущей из крана воды, стала приводить себя в порядок. Она молчала, да и я не стремилась выходить за рамки своей «роли».

Судя по тому, как старательно рабыня прятала взгляд, стараясь не встречаться со мной глазами, когда смотрелась в зеркало, она все же испытывала нешуточное смущение.

Ощущения, которые испытывала я, сложно передать в двух словах. Вроде бы мне тоже должно было быть неловко, все-таки интимная гигиена — дело абсолютно личное. Но... я внезапно поняла, что не чувствую ни малейшего неудобства, поняла, что мне нравится наблюдать за смущенной рабынькой, что как раз её смущение и неловкость действуют на меня так, что скоро и самой будет впору трусики менять. Она возбуждала меня своей беззащитной покорностью, тем смущением, с которым избавлялась от следов своей похотливости. А ведь в том, что эти следы стали столь явными, есть, как оказалось, и моя заслуга.

Она возбуждалась, когда говорила со мной, когда касалась меня. Мне, наконец, удалось поймать взгляд девушки.

— Я действительно тебе нравлюсь... котенок? — прошептала я.

— Да, Алина, — так же полупшепотом ответила рабынька.

— Прости, я не Алина, меня зовут...

— Тсс... Не надо, не говори... это... тут и сейчас это значения не имеет.

— Как так?

— Если захочешь, то спросишь потом у Хозяина. Он объяснит тебе, — девушка закрутила краны, вытерлась, и, чуть сдвинувшись к стенке, спросила, — руки будешь мыть?

— Да, конечно.

— Прости, мне идти пора. И... запомни адрес моей почты... slave-girl@inbox.ru.. Если после сегодняшней ночи у тебя останутся вопросы — напиши мне, я отвечу.

Я обернулась, услышав ее слова. Рабыня расправляла на бедрах ажурные резиночки свежих

трусиков. И когда только она успела их надеть? Да и отку... Ай, ну что за глупости в голову лезут?! Быстро вытерев руки, я поспешила за девушкой.

Комната, в которую мы прошли, была погружена в легкий золотистый полумрак, такой таинственный, и все же уютный, не прячущий в темноте ни одной детали обстановки, но в то же время укутывающий каждый предмет ореолом интимности. Я тенью скользнула в кресло и огляделась.

Большой и даже на вид мягко-упругий диван у стены, а из-под него змеится тонкая, тускло мерцающая в свете бра, цепь.

Чуть дальше на полу одеяльце-не одеяльце, перинка-не перинка, скорее что-то среднее (она тут спит?!). На одеялке лежали, поблескивая заклепками, кожаные наручники. Волна мурашек пробежала с головы до ног, возбуждение, едва утихнув, с новой силой забушевало во мне. Цепь, подстилка, а вон и ошейник лежит (совсем простенький, и не сравнить с той красотой, что сейчас на шейке девушки), и... прозрачная мисочка, с именем той, кто из нее ест. Все условия для комфортной жизни суч... Хотя нет, именно сейчас я не сказала бы о ней так — рабыня, выгнув спинку, опершись на ладошки, застыв в грациозной и совершенно кошачьей позе, стояла на коленках у ног Хозяина. Я залюбовалась девушкой. Даа... похоже, что бисексуальности во мне гораздо больше, чем я предполагала.

Я не сводила глаз с руки Господина. Вот Он гладит рабыньку по голове, ласково перебирает пальцами за ушком, запускает пальцы в гущу ее волос — девушка едва не мурчит от удовольствия, будто большая кошка, дикая хищница, усмиренная умелой рукой. Я, увлеченная наблюдением, совершенно не заметила предмета, лежавшего рядом с Хозяином, черная плеть неожиданно появилась в Его руке. (Господи, неужели Он выпорет ее?)

Рабыня едва заметно вздрагивает, когда кончики плети касаются ее спины, отстраняется от ног, о которые только что терлась щечкой, становится так, чтобы Ему было удобно. Выгибает спину, словно стараясь ускользнуть от щекочущей, дразнящей нервы ласки.

Концы плети змеятся по телу девушки, достигают попки, Господин дразнит, едва прикасается к коже своей рабыни. Ногой подталкивает коленку девушки, заставляя ее раздвинуть ножки пошире.

Рабынька послушно меняет позу, теперь ее промежность, скрытая тонким кружевом маленьких трусиков, становится доступной. Хозяин забавляется, меняя мягкое прикосновение самыми кончиками плетки на легкое, едва ощутимое похлестывание. По спинке, по круглой загорелой попке, едва коснувшись — между ножек... Чуть наклоняется, цепляет пальцем резинку трусиков, тянет, тянет вверх, так, что ткань впивается в тело, и, вместо ожидаемого шлепка по промежности — проводит там рукояткой. Задевает самую чувствительную точку, усмехается, отодвигает руку, и через секунду возвращается, и еще раз... и еще...

С губ рабыни слетает громкий стон, она выгибается еще сильнее, подставляя свою похотливую киску, выпрашивая ласку. (Ну же! Сейчас! Хлестните ее посильней! Она ведь хочет! Ждет этого! И... я хочу! Услышать ее стон? Или?... Сама ощутить обжигающую боль? Или?...) Хозяин, будто раздосадованный такой несдержанностью, отпускает трусики девушки, слышит новый стон (на этот раз он заметно огорченный), и... продолжает гладить спинку самыми кончиками плети.

Я тихонько выдохнула, мне показалось, что сейчас попка рабыни должна получить ощутимый шлепок. Все чувства и ощущения перемешались; я не знаю, чего мне больше

хотелось сейчас — быть на месте рабыни? или держать в руке плеточку? почувствовать ее жалищее прикосновение? или вздохнуть облегченно (с сожалением?!) от того, что его не было?... Я совсем запуталась...

Господин отбросил надоевшую игрушку, похоже, порка в Его планы совершенно не входила (или Он просто передумал?). Достал из стоявшей на журнальном столике коробки новую забаву — два небольших шарика, соединенных веревочкой. (Ой, ну точь в точь как у меня!)

Я поерзала в кресле, устраиваясь поудобней, попробовала расслабиться, но тело, казалось, уже давно решило не слушаться хозяйку. Я чувствовала, как горячо и влажно в моей киске, безумно хотелось дотронуться до себя хотя бы пальчиком, хотя бы через одежду, чуть погладить, надавить легонько, и все, я тут же растворилась бы в оргазме, НО... Я не видела лица девушки, Господин развернул ее ко мне противоположной стороной, но я уверена — выражение наших личиков в этот момент было одинаковым.

Сумасшедшее возбуждение, которое никак не утаить, подернутые пеленой похоти глаза, закушенная до боли губка... Если бы Он только посмотрел на меня!

А Господин все свое внимание сосредоточил на послушной девушке-кошке. Прodel в петельку веревочки палец, покачал шариками перед лицом рабыньки, приглашая открыть ротик. Девушка чуть запрокинула голову, и принялась, судя по звуку, облизывать, посасывать их. Последний сочный «чмок», и вот уже Хозяин отодвигает трусики в сторону, и медленно и аккуратно вталкивает шарики, один за другим, в жаждущую дырочку.

Я отлично вижу, насколько она влажная, облизываюсь, и ловлю себя на мысли, что хотела бы и свои пальчики добавить в это действие. Вот, вот если бы сейчас дотронуться, поиграть с ее клитором, то мышцы там, внутри, тут же сжались бы, заставляя шарики вибрировать, а это неминуемо увеличило силу возбуждения! Но... я ведь только зритель... я смущена, я еще не готова, я не могу, я стесняюсь!

Хозяин не выпускает из пальцев петельку веревочки, подергивает, подталкивает шарик внутрь, вытягивает его наружу почти весь, возвращает обратно. Девочка такая мокрая, что скоро и губки, бесстыдно раскрытые, и дырочка попки блестят соком похоти. Рабынька, не в силах больше сдерживаться, стонет в голос, прогибается в пояснице, вертит попкой, подставляя под пальцы Господина всю себя. Выпросила, малышка...

Ее Хозяин медленно, миллиметр за миллиметром, вводит большой палец в маленькую тугую дырочку, останавливается, ласкает, снимая напряжение. Ну вот... вот и все... сжавшиеся было судорожно мышцы расслабляются, не мешают проникать туда, где только ОН — царь и бог.

Указательный палец мужчины легко скользит внутрь горячей дырочки, и через тонкую перегородочку, видно, нащупывает большой палец. Господин с удовольствием наблюдает за тем, какой эффект возымели Его действия. Девчонка сама начинает насаживаться на пальцы, подмахивает попкой каждому движению, стонать стала тише, но гораздо чувственней, дыхание стало прерывистым, она все чаще задерживает его... и... вот-вот-вот... вот сейчас!...

Он внезапно останавливается. Я чувствую — за считанные секунды до ее оргазма! (И до моего!) Медленно освобождает свои пальцы от цепких объятий похотливых дырочек и через пару секунд в попке рабыни уже мягко урчит вибратор, включенный на минимальную скорость.

Потянув за ошейник, Хозяин заставляет девушку выпрямиться, подает руку, чтобы девочка облизала Его пальцы, только что дарившие ей столько ощущений. Рабыньку сотрясает едва заметная глазу дрожь, она с упоением принимается лизать, посасывать, ласкать языком один

палец, второй, снова возвращается к первому, переключается на остальные — на них тоже осталась ее смазка. И внезапно вздрагивает, останавливается — Хозяин пальцами ноги дотрагивается до ее киски, дразнит клитор, проводит вверх-вниз по горячей влажной щелочке.

Господин отнимает руку, проводит, убирая остатки влаги на пальцах, по щекам рабыни, по шейке, по груди... Подталкивает, заставляя откинуться назад, чтобы Он мог все хорошо рассмотреть (или и мне показывает?...). И ласкает, играет, дразнит, сводит с ума каждым движением, наслаждаясь тем, как чутко его живая игрушка реагирует на каждое прикосновение. Девочка не выдерживает:

— Хозяин!... Пожааалуйста!... Мммм... Позвольте мне!

— Позволить что?...

— Разрешите... пожалуйста... ооох... Хозяин... Позвольте мне целовать... Ваши ноги... Вы так... Столько... Так хорошооо!... О, боже!...

— Ты любишь это делать, шлюшка? Или... надеешься выпросить что-то еще?...

— Хозяяин! Пожалуйста! я Вас умоляю! Разрешите мне! я люблю целовать их... язычком ласкать... доставлять Вам удовольствие! Мне большего не надо! Пожалуйста, Господин! Мужчина, чуть прищурившись, смотрит на свою рабыню... Ни на секунду не прекращая двигать пальцами, играя с дырочками, каждым движением вызывает все новые и новые мольбы. (Господи, я сейчас с ума сойду!) И... уступает, даря своей девочке возможность показать насколько она счастлива, любяща и благодарна...

А я... Сижую, как дура, в кресле, вцепившись в подлокотники, будто боюсь, что кто-то начнет меня от него отдирать. И, уж который раз за этот вечер, вру самой себе — я не боюсь того, что кто-то вырвет меня из мягкой велюровой уютиности моего «убежища», я ХОЧУ ЭТОГО! Ну почему мне никто не поможет?! Ведь я ни за что не решусь сделать это сама! Если бы Он посмотрел, просто посмотрел в мою сторону, то тут же заметил бы блестящие от возбуждения глаза, услышал, как колотится сердце, увидел, как сжаты ножки! Тут же понял бы, КАК мне хочется!

Спина чуть выгибается, повторяя е ё движение. (Ну, посмотрите же на меня! мои сосочки такие же возбужденные, как и её, так же хотят ласки, так же жаждут прикосновения Ваших чутких пальцев!) Мой язычок незаметно облизнул пересохшие губы.

Я, не отрываясь, смотрю, как рабыня целует, облизывает, посасывает, ласкает язычком пальцы Его ног. Едва заметно дрожит от возбуждения, чуть слышно стонет, не в силах справиться с тем потоком ощущений, который рождает вибрирующие в ней игрушки. (Неужели Он не видит, что она готова кончить?!...)

Но... Каким-то шестым чувством я понимаю, что рабынька ни за что не остановится, не прервет ласку, не станет выпрашивать удовольствие для себя, забыв о том, что позволил ей Хозяин. (Ну же!... Молчит... Маленькая послушная рабыня... Я бы попросила Его за тебя, котёнок...)

Я перевожу взгляд на Господина... Смотрю на Него, не отрываясь... (Пожалуйста! Посмотрите на меня! Мне не хватает только одного понимающего и одобрительного взгляда, чтобы оказаться рядом!) Нет, глупо надеяться...

Я тут, но для них двоих меня нет. Я помню о том, что Он сказал мне. Я знаю, что «проявлюсь», стану видимой, только если сама сделаю первый шаг. Всего-навсего — встать и сделать его. Я знаю, что это будет первый шаг к новой судьбе...

E-mail автора: slave-girl@inbox.ru